

РЕЦЕНЗИЯ: Пашков М.М., Афонасенко И.М. Генеалогия и геральдика дворянского рода Афонасенко. – М.: Издательство "Старая Басманная", 2020. – 50 [2] с.: ил., табл. – ISBN 978-5-907169-14-2

Всплеск исследовательского интереса российских и украинских историков к судьбе малороссийской казацкой старшины вызывает только положительный отклик. Долгое время эта часть провинциального дворянства империи была обделена вниманием ученых. Отрадно, что генеалогическая и геральдическая историография этого уникального феномена на стыке двух культур пополнилась ценным изданием – книгой о малороссийском роде дворян Афонасенко (Афанасенков), ведущих свое происхождение от Запорожских казаков и Глуховских атаманов. Этот труд явился результатом научного тандема известного российского геральдиста Марка Михайловича Пашкова и магистра истории Игоря Михайловича Афонасенко.

Афонасенки принадлежали к старинным русским дворянским родам малороссийского происхождения. Эта часть провинциальной аристократии России имела свои культурные и языковые особенности, отличалась не только своими корнями, но и трудными путями становления в рамках единой дворянской корпорации империи. При этом даже в рамках своего сословия, малороссийская казацкая старшина сохраняла единство сословного менталитета и систему специфических культурных ценностей. Именно поэтому рецензируемая книга представляет особый интерес, генеалогия и геральдика дворянского рода Афонасенко ранее не становились предметом научного изучения.

Источниковая база исследования довольно обширна. Авторы привлекли массив ранее неопубликованных документов из фондов Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Центрального государственного архива города Москвы, Центрального государственного исторического архива Украины, Государственного архива Сумской области, Государственного архива Черниговской области, а также опубликованные официальные статистические отчеты и именные списки из Отдела редкой книги Российской государственной библиотеки.

Первый раздел своей монографии Пашков М.М. и Афонасенко И.М. посвятили генеалогии. Происхождение дворянского рода Афонасенко можно отнести к началу XVII в., что подтверждается архивными источниками. Первым достоверно известным представителем рода был Глуховский городской атаман Афонасий Григорьевич. О его происхождении ничего неизвестно, службу в Запорожском войске начал еще в юности, простым казаком. Особо отличился в русско-турецких войнах и при осаде Чигирина, куда прибыл

с войском гетмана Ивана Самойловича. Вся его жизнь была связана с Нежинским полком; на склоне лет он дослужился до почетной должности Глуховского городского атамана и старшего казачьего чина – знатного войскового товарища. Гетманским универсалом 1680 г. Афонасий Григорьевич был пожалован землями и хутором с мельницей на реке Кливень, став теперь малороссийским шляхтичем. Его хутор Афанасовка более двух веков был родовой вотчиной дворян Афонасенко.

Старший сын Афонасия Григорьевича, Василий Афонасьевич, стал основателем отдельной фамилии. Унаследовав от отца земли, он построил собственный хутор и женился. Его сын, Иван Васильевич, принял "по отцу своему прозвание Базилевич", фактически образовав отдельный дворянский род.

Средний сын Афонасия Григорьевича, войсковой товарищ Терентий Афонасьевич, служил вместе с отцом в Запорожском войске, где "по отцу звался Афонасенко". Именно он стоял у истоков дворянской фамилии Афонасенко.

После ликвидации Гетманщины, а затем и разделения Малороссийской губернии, Афонасенки стали помещиками Черниговской губернии, в дворянскую родословную книгу которой и были внесены: сначала во II-ю часть, а, по определению Черниговского дворянского собрания от 1849 г., перенесены в VI-ю ее часть.

Представители всех ветвей дворянского рода Афонасенко успешно адаптировались к новой обстановке, интегрировались в систему правовых и социальных ориентиров российского благородного сословия. Они доказали юридически свою принадлежность к древнему дворянству, поступали на гражданскую и военную службу.

Первой авторы рассматривают младшую линию рода, пресекающуюся в начале XX века. Так, Михаил Симонович Афонасенко дослужился до чина коллежского регистратора в Орловском губернском правлении, высшем административно-распорядительном учреждении при губернаторе. Единственный его наследник – Василий Михайлович Афонасенко окончил Нежинское Александровское училище, много лет служил в Орловской палате уголовного суда, вышел в отставку в чине коллежского секретаря. После завершения государственной службы принимал активное участие в деятельности уездного дворянского собрания. Владимир Васильевич Афонасенко окончил Новгород-северскую мужскую гимназию. Принимал активное участие в деятельности земств. В 1880 г. служил помощником исправника полицейского управления Балтского уезда Подольской губернии. Алексей Владимирович Афонасенко окончил Петровский полтавский кадетский корпус и Александровское военное училище, службу начинал в 86-м пехотном Вильманстрандском полку, а затем в 1-м Брест-Литовском крепостном пехотном батальоне. Участник Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта, с 1 ноября 1918 г. штабс-капитан в 1-й роте Отдельного офицерского батальона особого назначения, с 18 января 1919 г. в 40-м Верхне-Услонском стрелковом полку 10-й Казанской дивизии армии адмирала А.В. Колчака. Место его героической гибели и захоронения неизвестно.

Представители старшей линии дворянского рода Афонасенко продолжили фамилию в XX-XXI вв. Иван Симонович Афонасенко в 1779-1784 гг. состоял "при канцелярии генеральной артиллерии", после увольнения награжден чином войскового товарища. Согласно грамоте Новгород-Северской губернии от 2 ноября 1790 г., по прошению Ивана Симоновича ("рассмотрев о дворянском его достоинстве доказательств"), определением Дворянского депутатского собрания он лично и род Афонасенко внесены во II часть Дворянской родословной книги. С 10 января по 15 июля 1799 г., будучи депутатом Ма-

лороссийского губернского дворянского собрания, участвовал в составлении Дворянской родословной книги. Павел Иванович Афонасенко служил в Псковском кирасирском полку. В отставку отошел 15 июля 1832 г. в чине штабс-ротмистра. Александр Павлович Афонасенко окончил одно из самых привилегированных военно-учебных заведений империи – Николаевское кавалерийское училище. 16 июня 1860 г. переведен из юнкеров корнетом в гусарский Клястицкий Его Высочества Принца Людвига Гессенского полк. Принимал активное участие в подавлении польского Январского восстания 1863 г. Смог дослужился до поручика гвардии. В отставке профессионально занялся разведением племенных лошадей и стал одним из крупнейших в губернии коннозаводчиков. Петр Павлович Афонасенко всю свою жизнь посвятил гражданской службе. После окончания с отличием мужской гимназии, поступил в Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. В годы ученичества был лучшим другом И.Ф. Тютчева, неоднократно гостил в доме его отца – известного поэта и дипломата Федора Ивановича Тютчева. В чине титулярного советника, до самой своей кончины в 1910 г., состоял при начальнике департамента Правительствующего Сената. Петр Иванович Афонасенко служил в Митавском драгунском полку, уволился в чине ротмистра. Владимир Петрович Афонасенко был довольно известным курским помещиком средней руки, на свои деньги строил и ремонтировал несколько храмов. Его сын Сергей Владимирович Афонасенко окончил Медико-хирургическую академию, имел ученую степень доктора медицины, после революции эмигрировал во Францию, наряду с частной практикой в Париже вел активную преподавательскую деятельность. Александр Петрович Афонасенко в чине коллежского советника много лет служил чиновником особых поручений при Министерстве земледелия и государственных имуществ, где занимался вопросами сельского хозяйства, горнозаводского дела и лесоводства. В 1907 г. был переведен на аналогичную должность в Главное управление землеустройства и земледелия. Принимал активное участие в реализации мероприятий аграрной реформы П.А. Столыпина.

Из всех представителей рода наиболее известен Степан Иванович Афонасенко. Он окончил Императорский Харьковский университет по отделению политических наук. Начиная карьеру младшим помощником начальника отделения департамента Министерства юстиции. В 45 лет был уже обладателем чина действительного статского советника. Состоял за Обер-прокурорским столом Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Принимал активное участие в обсуждении и подготовке геральдической реформы барона Б.В. Кене. В 1862 г чиновник по особым поручениям в составе специальной комиссии Сената и Министерства юстиции по расследованию антигосударственной и революционной деятельности. Кавалер орденов: Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени с императорской короной, Св. Станислава II степени, а также был награжден Знаком отличия за XXV лет беспорочной службы и бронзовой медалью «В память войны 1853-1856». Крупный землевладелец, помещик Рыльского уезда Курской губернии. Его сын, Николай Степанович Афонасенко, служил в кавалерии, в отставку вышел в чине корнета. В 1890-1891 гг. избирался в уездные гласные от дворян Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. Его супруга, Ольга Степановна, была почетным попечителем Новомосковской женской прогимназии. В итоге, революция навсегда разрушила степенный уклад жизни провинциальной дворянской семьи.

Во втором раздел монографии Пашков М.М. и Афонасенко И.М. освещают вопросы геральдики и эмблематики дворянского рода. По меткому замечанию авторов, геральди-

ка казацкой старшины – это уникальное явление на стыке русской и центральноевропейской геральдических систем. Ее три основные составные части – польские клановые, украинские самобытные и официально утвержденные в Российской империи гербы.

Афонасенки использовали польский клановый герб Прус I, один из наиболее распространенных и древних гербов. Герб прост, состоит из одной фигуры, и может быть описан следующим образом: "В червленом поле серебряный длинный пятиконечный крест (с отсутствием конца у одной перекладины). В нашлемнике – согнутая в локте рука в серебряных латах, держащая меч острием вверх. Намет червленый, подложенный серебром". Польские историки называют эту фигуру "полтора креста".

Возведение верхушки казачества в шляхетское достоинство польскими князьями и королями в XV-XVI вв. могло сопровождаться присвоением роду гербов, часто совершенно других, чем те, которые род использовал до этого. Процесс присвоения гербов был упрощенным, без присутствия членов польских гербовых братств. Требовалось лишь согласие знатных представителей рода, уже имевшего такой клановый герб. Таким образом, все вместе это способствовало широкому распространению польской геральдики на украинских землях, часто приобретающей формы настоящей "гербомании", как в искусстве, так и в шляхетском быту.

Пашков М.М. и Афонасенко И.М. отмечают, что огромную роль в качестве источника казацкой геральдики имела сфрагистика. Именно геральдические изображения на личных печатях стали основой множества как самобытных, так и затем официально утвержденных гербов казацкой старшины. Авторы нашли в воспоминаниях родственников и сослуживцев Ивана Афонасенко упоминания о печати одного из предков, Василия Терентьевича, жившего в начале XVIII в. Геральдическая фигура на печати имела польское происхождение и представляла собой некий крупный крест. Исследователи предполагают, что этот крест и являлся польским гербом Прус I, что позволяет датировать его появление как родового символа, по меньшей мере, началом XVIII в.

Первая попытка утвердить Прус I в качестве официального герба рода относится к марту 1806 г., когда Иван Симонович Афонасенко подал прошение на Высочайшее имя "о внесении герба рода моего в гербовник учинить милостивое рассмотрение". К прошению была приложена родословная с рисунком герба "в красках". Герб был заключен в двойную овальную рамку и был выполнен в стилистике украинского (казацкого) барокко, остававшегося модным в изобразительном искусстве Черниговщины и в конце XVIII – начале XIX вв. Элементы барокко проявились в этом рисунке в виде неклассической формы щита с наличием двух округлых выступов с каждой стороны, тонких линий, которыми были прорисованы все элементы композиции и наличия узкой золотой каймы, носившей явно декоративный, а не геральдический характер. В родословной не объясняются мотивы использования Афонасенками герба Прус I, только констатируется, что "герб, выше на родословной написанный, употребляется в роде их, Афанасенков...".

Как видно из указа Герольдии, на который ссылаются авторы книги, "герб фамилии Афонасенков" был подготовлен к поднесению на Высочайшее утверждение, но в Общий гербовник помещен не был. Последнее официальное упоминание относится к 29 июля 1847 года, когда в Герольдии рассматривался запрос губернского Дворянского депутатского собрания о предоставлении копии герба: "По справке оказалось, что герб вышеозначенного рода находится в Высочайше утвержденном гербовнике". Этот ответ из Правительствующего Сената вызывает удивление, так как на тот момент было Высочайше

утверждено и издано десять частей Общего Гербовника и ни в одной из них герба дворян Афонасенко нет, как не будет и в следующем томе, утвержденном в 1863 году.

Авторы опираются на довольно спорное утверждение о том, что причиной довольно прохладного отношения Герольдии к прошениям о пожаловании герба с Украины был длившийся почти полвека и принимавший довольно острые фазы, вплоть до открытого противостояния, конфликт между Герольдией и дворянскими депутатскими собраниями малороссийских губерний Российской империи. Его суть в том, что потомки казацкой старшины были очень многочисленны и их претензии на российское дворянство экономически и политически подрывали устои государственности. С другой стороны, "привилегиями" российских царей предполагалось давать дворянство детям и внукам обер-офицерских чинов, вышедших из казацкой старшины. Таким образом, с конца XVIII века вплоть до 1835 г., когда Высочайшим указом было установлено соответствие чинов казацкой старшины с общероссийским табелем о рангах, постоянно тлеющий и идущий с переменным успехом конфликт, мягко говоря, не способствовал получению дворянства потомками украинской шляхты.

Герб Афонасенко пригодился Герольдии, когда в 1885-1890 гг. по распоряжению герольдмейстера Е.Е. Рейтерна секретарем Гербового отделения Виктором Горном составлялся так называемый "Эмблематический сборник дворянских гербов". Материалы для сборника, по-видимому, собирались намного раньше, возможно даже в 1860-1870-х гг. Поэтому лист с родословной и гербом был физически изъят из дела о дворянстве Афонасенко для перерисовки на карточку, вошедшую затем в сборник В. Горна. Эти же карточки далее копировались еще раз для так называемого Дела № 8 Гербового музея по составлению "Сборника неутвержденных гербов российских дворянских гербов".

Тем не менее, в деле о дворянстве Афонасенко, на отдельном листе под заголовком "Герб рода Афонасенко" осталось еще одно изображение герба. Здесь герб изображен в более классическом стиле, он немного отличается в деталях от герба на изъятном листе, прежде всего тем, что в нем нет каймы, и коричневый, подложенный золотом, цвет намета заменен на оригинальный намет польского Пруса I – червлёный, подложенный серебром.

Так как при перерисовке использовалось изображение на изъятном листе, новый черно-белый рисунок вобрал в себя все ошибки этого изображения, в том числе и то, что декоративная кайма превратилась в полноценный элемент герба – почетную фигуру. Также были изменены цвета намета: появился черный намет, подложенный золотом, так как темно-коричневый намет был принят (возможно, вполне правомерно) за выцветший черный. Авторы приводят описание герба в редакции И.В. Борисова: "В червленом щите с золотою каймою длинный серебряный крест. Слева у креста отсутствует нижняя перекладина. Нашлемник – согнутая рука в латах держит серебряный меч с золотой рукоятью вправо. Намет черный с золотом".

Таким образом, перерисованный для целей атрибуции в сборник В. Горна и Дело № 8 Гербового музея родовой герб Афонасенко из-за ошибок при перерисовке фактически не мог служить заявленным целям. Узкая кайма, игравшая в барочном рисунке сугубо декоративную роль, превратилась в значимый в плане атрибуции элемент герба – почетную фигуру. Замена цветов намета играет гораздо меньшую роль при атрибуции, но и она может значимой, в случае, если абсолютно одинаковые гербы имеют разные наметы. Авторы монографии предполагают (и вполне логично), что данная ошибка

вполне могла быть умышленной, сделанной для визуального отличия от других, помещенных в Дело № 8 гербов Прус I.

Удачной авторской находкой Пашкова М.М. и Афонасенко И.М. стали подразделы книги про так называемые брачные (марьяжные) гербы и геральдику ветви Базилевичей. В частности, при заключении браков, на годовщины и юбилеи свадеб часто заказывались предметы с изображением двух супружеских гербов. Такими же композициями могли украшаться предметы, предназначенные для приданого невесты. В качестве примеров авторы приводят два брачных союза представителей рода Афонасенко (с представительницами родов Боборыкиных и Родзевичей).

Изучение геральдики Базилевичей позволило установить, что начиная с третьего поколения, представители рода использовали польский клановый герб Кораб. В Российской империи (в Москве) в XIX в. также был известен род Базилевичей, использовавший польский клановый герб под названием Вержбна. Тем не менее, так как достоверно известно, что именно черниговские Базилевичи, фактически являвшиеся ветвью рода Афонасенко, использовали герб Кораб, авторы приходят к выводу что роды Базилевичей, использовавшие другие польские клановые гербы – однофамильные, а не родственные. Раздел завершается кратким обзором современной геральдики рода.

Особую ценность имеет поколенная роспись рода дворян Афонасенко – информационный и смысловой центр книги. Она охватывает период с первой половины XVII в. до наших дней, и включает информацию обо всех известных членах рода. Иллюстрации органично дополняют текст и являются подкреплением доказательной базы исследования. Завершается монография Пашкова М.М., Афонасенко И.М. приложением, в которое включены копии архивных документов по истории рода.

В данном случае, хочется повторить высказанную, в свое время, историком Наумовым О.Н. мысль о том, что подобные монографии, посвященные конкретным родам, чрезвычайно важны для развития дисциплинарного знания. Заполняя исследовательские лакуны, они создают единое информационное пространство, повышают точность изысканий, способствуют совершенствованию методического инструментария, накоплению источниковедческого опыта, а все это в целом детерминирует повышение познавательного статуса генеалогии и геральдики в системе исторической науки.

В качестве критики, хочется высказать авторам книги пожелание расширять в дальнейшем информационное пространство по каждому члену исследуемого рода. Не ограничиваться указанием только на основные факты биографии, а попробовать проследить весь жизненный путь конкретно носителя дворянской фамилии Афонасенко в контексте истории всего государства и, таким образом, создать масштабную картину жизни не только конкретного рода, но и всего малороссийского дворянства.

Впрочем, следует отметить, что подобные замечания не влияют на общую высокую оценку первой попытки исследования генеалогии и геральдики дворянского рода Афонасенко. Очевидно, что теперь ни один исследователь истории родов малороссийской казацкой старшины не сможет обойтись без ознакомления с этой работой, в которой удачно показан пример подобного рода исследований.

Ермаченко О.И., г. Киев